

ИНТЕРВЬЮ С ТАТЬЯНОЙ ГРИГОРЬЕВНОЙ ИВАНОВОЙ¹

Александра Пиир (далее — АП): Для начала общий вопрос: в чем вы видите проблему устных архивов?

Татьяна Иванова (далее — ТИ): Вы знаете, в силу своего возраста я человек достаточно консервативный, и проблема, которая мне видится, на самом деле очень давняя — это проблема создания архива. На лекциях я студентам всегда рассказываю, как складывается новый фольклористический центр. Во-первых, должна быть экспедиционная работа, без нее никуда. Во-вторых, это некий коллектив единомышленников, которые будут свои экспедиционные материалы как-то осмысливать. В-третьих, своя печатная база, т.е. собранные в экспедициях материалы должны появляться в опубликованном виде и быть доступным широкому окружению. И, в-четвертых, — в обязательном порядке архив. Вот если нет архива, тогда фольклорный центр как таковой не осуществится. И мы это прекрасно знаем на материале 1920-х гг. Тогда существовало огромное количество научных учреждений, которые занимались проблемами фольклора: ездили в экспедиции, а архивы не создавали. И это вылилось в то, что данное научное учреждение в конце концов выпало из фольклористического пространства.

¹ Записано 4 октября 2012 г.

Самый яркий пример — это, конечно, Российская академия истории материальной культуры (РАИМК), которая в советские времена была Институтом археологии, а сейчас называется Институт истории материальной культуры. Там в 1920-е гг. были очень интересные экспедиции, которые несколько лет отправлялись в Верхневолжье и записывали замечательный фольклорный материал, причем в этнографическом контексте. Потом РАИМК несколько лет ездил в Воронежскую область, они называли это «Юго-западные экспедиции». От этих экспедиций остались отдельные публикации, отдельные статьи о поездках, а материал осел на руках участников поездок. И что потом произошло? С человеком что-то случилось, человек перестал заниматься фольклористикой — и всё. Поэтому в нашем сегодняшнем фольклористическом сознании Институт истории материальной культуры абсолютно не «наш».

Все эти четыре составляющие, которые я назвала, состоялись в Государственном институте истории искусств, где в экспедицию съездили — зимой очень напряженная обширная программа докладов, соответственно, потом публикации замечательных книжек 1927–1928 гг. «Искусство Севера». И затем, правда, чуть-чуть за рамками существования ГИИИ, был создан архив, сейчас это архив Пушкинского Дома. Мы как бы наследуем ему.

Опыт показывает, что все фольклористические точки, которые создавались уже в 1960-е, 1970-е гг. и позже, упускали эту составляющую — архив. Это очень характерно для вузов. Тогда появилась в вузах фольклорная практика, и стали ездить в обязательном порядке все. Вузам в то время отпускали деньги, и студентов отрядами по двадцать-тридцать человек отправляли. (Правда, как правило, по непродуманным маршрутам, но это уже другая сторона.) Но то, что привозилось, то ли расшифровывалось, то ли нет. Хотя тогда, между прочим, ездили, что называется, с карандашом и с бумагой. Я сама в 1971 г., когда была первая моя экспедиция в конце первого курса, так ездила. Реально это потом сдавалось не на кафедру Ленинградского университета, а своему научному руководителю — Ирине Михайловне Колесницкой. И всё. Т.е. потом это никуда не попадало. И еще обиднее бывает, когда все-таки в вузе при таком-то преподавателе начал создаваться архив, потом этот преподаватель ушел на пенсию. Эти тетрадочки лежали, лежали в шкафу, наступил очередной ремонт — что с тетрадочками сделали? — отправили их на свалку. Надо понимать, что эта же практически проблема существует и с носителями типа магнитофонных лент, которые тогда были.

Я хочу сказать, что прежде всего нужно бережное, уважительное отношение к тому, что мы собрали. Это первое. На днях прошла конференция в Петербургской консерватории, которая называлась «Этномузыкология: история формирования научных школ и образовательных центров». Там прозвучало энное количество докладов, которые вписывались в проблематику, которую вы пытаетесь осветить. Например, Наталья Владимировна Леонова, замечательный этномузыковед, рассказывала о состоянии своего архива в Новосибирской консерватории. Она говорила о том, что там хранятся старые магнитофонные ленты, которые уже нельзя даже атрибутировать: где это было записано, когда это записано. Вот это наше отношение к экспедиционной работе, которое отражается в архивных материалах.

АП: Мне кажется, такое отношение может быть связано с тем, что привезенные из экспедиции материалы оказываются актуальны короткий промежуток времени. Люди привезли их, написали по ним какие-то работы — студенческие или уже взрослые исследования — и потом, поскольку никто об этих материалах за пределами вуза, а возможно и кроме участников экспедиции, не знает, эти записи лежат мертвым грузом. И сами сотрудники спустя какое-то время понимают, что это — невостребованный материал, и он для них перестает быть актуальным и научно значимым.

ТИ: Это без сомнения. Как я говорила, человек, тот энтузиаст-преподаватель, который занимался этой собирательской работой, ушел — и всё, после него не остается преемников, для которых это может быть интересно. Но здесь проблема вот еще в чем. Необходимо информационное поле, оповещение о том, что люди съездили, что-то привезли и эти материалы существуют. Со следующим посылом — оно доступно для всех. Т.е. вторая проблема, на которую я хотела указать, — это необходимость создавать информационное поле и обмениваться внутри фольклористического пространства сведениями о том, кто куда съездил и кто что привез.

Вообще эту проблему однажды уже пыталась поднять в Архангельске на одной конференции Наталья Васильевна Дранникова. Она ее подавала немножко в другом ракурсе: все знают, что мы очень часто в своих экспедициях сталкиваемся лбами, когда сотрудники разных научных учреждений едут в одну точку. И она на своем архангельском материале, который, как вы понимаете, абсолютно благодатный, Наталья Васильевна говорила о том, что нужно информировать друг друга заранее, в конце прошлого сезона — на будущий сезон, кто куда поедет. И таким образом корректировать экспедиционные маршруты.

Она даже на сайте Центра изучения традиционной культуры Европейского Севера пыталась это сделать, предлагала присылать ей информацию, кто куда хочет поехать в Архангельской области, чтобы она это заранее вывесила.

Эту же самую проблему нужно решать и в отношении архивов, потому что это единая связка — архивы и экспедиции. Надо сообщать в конце экспедиции, что привезли, где находится материал, в каком состоянии, на каких носителях записан и т.д. В принципе создать такого рода сайт не так уж и сложно. Тем более что хотя фольклористов сейчас больше, чем было в мои времена, мы все более-менее друг друга знаем. Это должно быть не указанием, а исключительно инициативой снизу, чтобы какая-то уже сложившаяся фольклористическая единица списалась со всеми, кого знает, и опросила, разработав некий вопросник «В каком состоянии ваш архив». Сколько единиц хранения, что вы считаете за единицу (это в каждом архиве будет по-разному), что это — старые магнитофонные ленты, которые уже все размагнитились, или переведено на цифру и т.д. Ряд таких сугубо практических вопросов — и по каждому архиву справку такую можно получить.

Наша беда ведь еще в чем? Почему все наши архивы-однодневки, вузовские прежде всего, были созданы, несколько лет просуществовали и потом исчезают? Проблема в том, что это архивы негосударственные. В принципе в нашей стране нет ни одного государственного фольклорного архива. Слово «государственный» — это очень важный момент. Потому что государственные архивы, которые находятся под управлением Федерального архивного агентства и Российской академии наук, подотчетны. Каждый год такой архив, вот как наш Рукописный отдел Пушкинского Дома, на 1 января составляет справку: у нас столько-то фондов, столько-то единиц хранения, у нас появились такие-то новые фонды. И если мы на будущий год напишем, что у нас единиц хранения стало меньше, то это огромное ЧП. Из такого государственного архива никогда не будет отдан материал на руки исследователю. Потому что дисциплина — нельзя. А наши архивы, которые мы создаем на энтузиазме, не подчиняются этим законам, поэтому они и могут исчезать.

АП: А как решается проблема авторских прав собирателей? Съездила группа в экспедицию, и ее участники намерены в течение нескольких лет писать на этих материалах статьи и диссертации. Когда это может стать доступным для всех?

ТИ: На самом деле эта проблема достаточно просто решается из опыта государственных архивов. Я прежде всего говорю о бумажных носителях, это мне роднее и понятнее. У нас

в Пушкинском Доме такое правило: если кто-то из сотрудников занимается такой-то темой — Булгаковым, например — он просит, чтобы пока он собирается что-то опубликовать, такие-то материалы, такие-то единицы хранения никому не выдавали. Это нормально, в других архивах делается то же самое. Материалы не выдаются до такого-то момента. Бывают случаи у нас, когда наследники, сдавая какие-то материалы, оговаривают: «Вот эти дневники, пожалуйста, до такого-то года не выдавать». Это тоже нормально и естественно. И делается пометка, что весь фонд выдается, а дневники за такие-то годы не выдаются.

С фольклорными материалами примерно то же самое. Если люди съездили в экспедицию и у них серьезные планы на то, что они могут сами это обработать, довести до широкой публики, то пока эти материалы не выдают. Они могут сообщить, что у них есть, поместить заранее паспорт на сайте, но указать, что собираются это опубликовать и пока такие материалы не выдают. Тем не менее наше научное сообщество все-таки таково, что чаще всего человек, нормально настроенный, идет на контакт со своим коллегой. И если он не дает разрешения на публикацию, то во всяком случае дать консультацию, что у нас есть такие-то материалы, мы видели такой-то обряд в таком ракурсе, — это вполне возможно. Так что я здесь особой проблемы не вижу, по правде говоря.

Ирина Назарова (далее — ИН): Вы говорите о тех ситуациях, когда материалы уже сданы в архив и доступ к ним ограничен. А если это вузовские архивы и материалы хранятся на руках у тех людей, которые их собирали. Потом эти люди по каким-то причинам уходят, увольняются, начинают заниматься чем-то другим — материалы остаются у них либо в вузе. Есть ли практика передачи материалов в государственные архивы?

ТИ: Здесь вуз или нарождающийся фольклорный центр должен понимать, что, съездив в экспедицию, он несет некую ответственность. Не материальную, а я бы сказала, ответственность перед научным сообществом. Раз он съездил, что-то собрал, он обязан это сохранить. В конце концов на вузовские деньги ездили люди. Даже с этих сугубо меркантильных позиций надо смотреть. И в связи с этим сам вуз должен обеспечить, чтобы материалы хранились не на руках, а были сданы — в такую-то комнату, в такой-то шкаф положены. Ведь в большинстве вузов в принципе фольклорных архивов нет, но они могут создать такой кабинет. Вот как кабинет в Санкт-Петербургском государственном университете. В каждом вузе есть архив, но делопроизводственный, он не имеет к нам абсолютно никакого отношения. Мы сейчас говорим о кабинете

традиционной культуры, называя это в нашем разговоре архивом.

ИН: Просто я работаю в таком кабинете, и мы не передали наши материалы в большой архив — например, в архив Пушкинского Дома. И я хотела бы обсудить эту проблему, почему эти материалы не передаются. Потому что они недообработаны, потому что некому с ними работать, потому что этих людей уже нет и финансов нет. В большинстве случаев дело обстоит именно так. Я не знаю положительных примеров, когда вуз обработал свой архив и передал его на хранение в тот же Пушкинский Дом.

ТИ: Вы знаете, на самом деле бывает очень по-разному. И я отнюдь не хочу призывать, чтобы все вузы, которые съездили куда-то, в обязательном порядке передавали собранный материал в тот же Пушкинский Дом или куда-либо в другое место. Тут я не считаю, что это будет плодотворным путем. Если кто-то съездил в экспедицию, то он обязан создать этот самый кабинет на своем рабочем месте. А далее распространить информацию о том, что кабинет существует и туда можно придти поработать. Самое главное — ни в коем случае ничего не оставлять на руках, это иллюзия, что на руках сохранится лучше. Но создание этого кабинета — тоже проблема. Скажем, на той консерваторской конференции, которую я упомянула, звучало: «В нашем вузе есть такой кабинет народной музыки, но недавно пришел новый ректор и ставку сократил». Это проблема, вообще-то говоря, насколько ректор просвещен, понимает ли, что, раз научная единица уже существует, ее нельзя уничтожать. К сожалению, непросвещенные ректоры поступают очень часто именно таким образом, считая, что сохранить какой-нибудь канцелярский штат — это очень важно, чтобы там было энное количество секретарш, а чтобы сохранить штатную единицу хранителя кабинета традиционной культуры, нет денег. Значит, надо об этом говорить, надо за это бороться, надо попытаться наших власть имущих как-то просветить. Другого пути нет, потому что если все будет оставаться на руках у собирателей, то записанный материал будет рассеян, пропадет. Все мы смертны, после нас придут наши наследники, которые взглянут на наши тетрадки и отправят их на помойку.

ИН: А можно ли сказать, что это ответственность не только тех людей, которые собирали эти материалы и хранят, но и государственных архивов, которые не создают программ для собирания, копирования таких архивов, для публикации информации о них?

ТИ: Понимаете, с моей точки зрения, это взгляд человека, который хочет переложить свои обязанности на кого-то другого.

Инициатива наказуема, и если ты сказал «А», то должен пройти и весь алфавит. Если ты съездил в экспедицию, то твоя личная ответственность за этот материал, раз ты его собрал, должна существовать. Другой путь — если случилось так, что разваливается этот кабинет, вы не можете найти общий язык с ректором — вот в этот момент вы можете передать этот материал в тот же самый Пушкинский Дом, который, кстати говоря, всегда его примет.

ИН: А есть ли какие-то требования к тому, какого рода архивы могут быть приняты в Фонограммархив и Рукописный отдел? Допустим, материалы экспедиций по этнической идентичности — это ваш материал или нет?

ТИ: Это наш материал. Сам механизм такой. Человек приходит и говорит, что он хочет сдать коллекцию своих материалов, записанных, например, в 1960-е гг. Назначается эксперт, который просматривает эти материалы и потом докладывает экспертно-закупочной комиссии. На самом деле комиссия в меньшей степени закупочная, более — экспертная, потому что покупать, как вы понимаете, очень мало возможностей. И если человек не намерен материал продавать, а просто хочет сдать, и эксперт говорит: «Да, там есть интересный материал», — то коллекцию принимают, конечно. Так что если есть желание что-то сдать — ради Бога!

ИН: А если это недописанный материал? Есть кассеты или расшифровки, но нет полного описания. Не везде известно, кто записывал, где записывал. Нет возможности систематизировать.

ТИ: В каком виде сдается, в таком и будет храниться. Предполагается, что потом эти материалы будут как-то разбирать, систематизировать, чтоб они были хоть по какой-то логике построены. Но это уже долгие сроки, честно скажу.

ИН: Хочу вернуться к больной для меня проблеме — хочу продолжить вопрос, который мы обсуждали в начале разговора. Были люди, которые собирали архив, его обрабатывали, но сейчас прошло какое-то время, кассеты размагничиваются, и нужно производить вторичную обработку. Во многих вузах такие архивы сохранились, а людей уже нет. В Петербурге есть много осиротевших материалов, по стране их сотни. Кто бы мог взять ответственность на себя за такие материалы?

ТИ: Такой организации нет. За это может взяться только сам вуз, если у него просвещенный ректор и если есть человек, который это инициирует. Инициатива наказуема — делаешь только все сам. Если вы обратитесь в наш Фонограммархив с просьбой оцифровать этот материал, то вам откажут.

Во-первых, на какие деньги это делать, а во-вторых, у нас свой собственный график работы. Уж коли фоноархив сложился в вузе, то вуз за него должен отвечать. Мы возвращаемся к тому, о чем я говорила: экспедиция прошла на деньги вуза, вуз уподобился как-то это финансировать, но он должен понимать, что собранные материалы не должны втуне уходить в песок. И если там когда-то был создан фольклорный кабинет, значит, он должен дальше обслуживаться, на него должны выделяться деньги, ставка и так далее. Но, увы, практика показывает, что все происходит по-другому. Если же это личный архив, то тем более ответственность полностью на человеке, который ездил в экспедицию. Получается, что у нас есть государственные архивы, которые хоть как-то финансируются — плохо, но хоть как-то. Есть вузовские архивы, не имеющие такого статуса, которые если погибают, то никто за это ответственность не несет. И личные архивы — они полностью на совести того, кто поехал и собрал материал.

ИН: А материал будет обработан, если мы принесем магнитные кассеты, которые размагнитятся лет через пять?

ТИ: Это проблема в том смысле, что если передается большое количество материала, то наш Фонограммархив может просто оказаться в цейтноте. И угроза того, что записи не будут оцифрованы, существует. Но, как я знаю, у наших фонограммщиков и инженеров существует установка на то, чтобы все, что можно, переводить на цифру.

Кстати говоря, в связи с техническими средствами также существует проблема. Техника дает огромные возможности, но она же ставит нам и некоторые ловушки. Когда в конце XIX — начале XX в. появился фонограф, это был такой прорыв — песню записать на хрупкие восковые валики! Этот технический носитель просуществовал до предвоенного времени. А потом встал вопрос о том, что все записанное надо переводить на магнитофонную ленту, что и было сделано. Затем выяснилось, что магнитофонная лента далеко не вечна, и сейчас это переводят на цифру. Еще несколько лет тому назад записывалось на дискеты, а сейчас дискеты — прошедший день, и записи переводят на диск. Что будет дальше? Наступит момент, когда эти диски уже будут нерабочими, потому что изменится сама структура техники, — значит, будут переводить на что-то другое. Т.е. мы находимся в таком замкнутом круге, и все время будем копировать звучащий и видеоматериал на новые носители. Это вопрос, конечно, к техникам, а не ко мне. Но мы на это обречены. В этом смысле, как это ни странно, бумага более надежная, но с бумажного листа, увы, вы песню не услышите.

АП: Вообще говоря, доступность материалов, собранных в экспедиции, — это еще и способ легитимации источников. Потому что если я сама их собрала, они находятся у меня дома, то никто не знает, насколько профессионально записаны интервью. Когда материалы, на которые ссылается исследователь, доступны, это более легитимная публикация.

ТИ: Без сомнения. И в связи с этим я, конечно, за то, чтобы на первом этапе был создан такой сайт, который объединял бы все архивные точки, прежде всего те, которые только зарождаются и не имеют государственного статуса. О Пушкинском Доме и его Рукописном отделе все знают, особо говорить об этом не надо. А второе — это, конечно, создавать сайт, на котором вывешивать собранные материалы. Здесь каждая отдельная архивная точка может создать свой сайт и вывесить то, что сочтет нужным. Это право тех, кто собрал материал. Здесь не должно быть дамоклова меча: собрал — выложи обязательно всё. Раз собиратель работает над такой-то темой, считает нужным закрыть пока этот материал, это его право.

АП: Вы работали в разных архивах, наверное, они по-разному организованы, по-разному ведется поиск информации — у кого какие преимущества в этой области?

ТИ: Это вопрос не совсем ко мне, потому что в сфере Интернета я не сильна. Система поиска в Пушкинском Доме абсолютно допотопная. У нас существуют описи для каждой рукописной коллекции, и соответственно смотришь, что тебе там нужно. Опять-таки в силу возраста и консерватизма я в этом не вижу ничего плохого. Поясню по аналогии с каталогом Российской национальной библиотеки. В свое время, когда еще не было электронных каталогов, я уже в силу некоторого авторитета была вхожа в Генеральный каталог, который не доступен читателям. И как только я туда прорывалась, чтобы посмотреть только одну карточку, я там садилась и сидела часами. Пока я смотрела эти карточки, у меня рождались разные мысли. Сейчас, когда я отбираю то, что мне нужно, в электронном каталоге, я выхожу только на ту информацию, которую ищу, и больше ничего. Среди разных электронных каталогов РНБ есть отсканированный карточный электронный каталог. Я всегда стараюсь обращаться именно к нему, потому что он является аналогом Генерального каталога. Смотрю его — и новые мысли появляются.

И по аналогии с карточным каталогом РНБ я очень люблю, приходя в тот или иной архив, смотреть архивные описи — те, что могут мне предоставить в рукописном виде. Потому что смотришь — рождаются какие-то идеи, что надо еще посмотреть туда, а можно заглянуть сюда и т.д. Но естественно, я не против того, чтобы появлялись новые поисковые системы.

АП: А эти описи достаточно полные и все ли в них обычно описано?

ТИ: Нет, я бы не сказала, что у нас в Пушкинском Доме они достаточно полные. Конечно, они дают место экспедиции, время, участников и в перечислительном порядке жанры. Т.е. если вы ищите конкретную песню, это уже совсем другая задача, вы на эту информацию не выйдете. Вот сейчас у нас, как считается, век информации. Но надо поставить себе задачу: что вы хотите? Вы хотите работать собственно на информацию, создавать это информационное поле, или вы хотите заниматься исследованием? Это две разные задачи. И я боюсь, что сейчас многие увлекаются тем, чтобы создать новую программу поиска, создать то, другое, третье. Замечательно! Но сколько можно совершенствовать поисковую систему? Мы заложники этих технических возможностей. Создали такую-то программу — ах нет, сделан новый шаг, можно теперь это усовершенствовать. И создают другую программу. Но ведь скоро появится еще один шаг — будем опять усовершенствовать. В эту ловушку не надо попадать. Нужно как-то разумно останавливать себя и понимать, что исследование, конечно, включает поиск новой информации, но это только одна из его частей.

АП: И все-таки о различиях архивов.

ТИ: Ну, в Москве, в МГУ, есть архив при кафедре фольклора. Там проблема, по крайней мере на тот момент, который я знаю, — это разрыв между звуконосителями и соответствующей тетрадкой, рукописной записью. Но эта проблема, собственно говоря, у нас в Пушкинском Доме тоже существует.

АП: Разрыв — вы имеете в виду, что их не соотнести друг с другом?

ТИ: Да, не всегда имеется информация, которая может сказать, что вот этот текст был записан на магнитофонную ленту под таким-то шифром, — это что у нас в Пушкинском Доме, что у них в Москве. Существует еще одна проблема. Мой опыт работы показал, что приезжаешь в архив в 1980-е гг. — работаешь с тетрадкой, приезжаешь в 2000-е — тетрадки нет. Это связано с тем, что фольклорный архив МГУ — негосударственный архив. И это в любом маленьком архиве будет такое, если не озаботиться этим сугубо архивным мышлением. Мне пришлось поработать немного в Рукописном отделе Пушкинского Дома, и я прекрасно понимаю, что это особое мышление.

АП: Такое архивное мышление проявляется и в том, что работники архива осознают себя прежде всего хранителями, и соответственно доступ к материалам оказывается ограничен тем, что материалы важнее сохранить, чем дать ими воспользоваться.

ТИ: Скорее всего, в вашем примере имеются в виду материалы, находящиеся в плохом бумажном состоянии. Хранители в таком случае абсолютно правы, когда поступают так. Если причина в том, что сохранность плохая, то другого пути нет. Но вы должны понимать, что существуют разные реставрационные возможности — или дают вам микропленку, или диск, если материал уже переведен на новые носители. Другая проблема — это проблема, говоря советским языком, спецхрана. Например, у нас в Пушкинском Доме долгое время были недоступны «Заветные сказки» Афанасьева — по понятным причинам. Заветные сказки и там еще целый блок пословиц. Я бы сказала так: уж коли сознание общества было таково, что публиковать их в том абсолютно голом виде, как они есть, нельзя, — ну не выдавалось и не выдавалось. Т.е. это абсолютно переживаемо, на мой взгляд. Сейчас изменилось сознание общества, значит, этот материал может выдаться читателям.

Другое явление, понятное для нашей страны, — это некогда политически закрытые вещи. В принципе, конечно, в этом отношении надо стоять на позициях «открытость, открытость и открытость». Но то ли гайки опять нашими властями закручиваются, то ли еще что, но эта открытость тоже ставится сейчас под сомнение. Впрочем, у меня есть положительный пример. В середине 2000-х гг. я работала в музее-заповеднике в Вологде, где есть отдел письменных источников. Я тогда восстанавливала биографию Александра Александровича Веселовского, это сын академика Александра Николаевича Веселовского. В 1920-е гг. Александр Александрович Веселовский, этнограф и фольклорист, находился в Вологде, где в 1926 г. его арестовали. У меня было письмо в тамошнее местное управление ФСБ. И в принципе я туда попала, мне открыли этот материал и разрешили все, что я хотела, скопировать. Все было абсолютно открыто, но перед тем, как дать этот материал, офицер ФСБ мне сказал: «Я должен посмотреть это дело, и тогда я решу, даю я вам его или нет». Я спросила: «А в чем проблема? На каких основаниях вы можете не дать?» И он ответил: «Вы знаете, если в этом деле будут имена лиц, которые писали на него доносы, а это люди, может быть, даже еще живущие, а уж их потомки точно где-то есть, то тогда я посмотрю и, может быть, вам не дам». И вот эту позицию я в принципе понимаю. Потому что при всем том, что мы требуем, чтобы все было открыто, наверное, надо считаться и с этой стороной жизни.

Я знаю, например, что по костромскому собирателю, Василию Ивановичу Смирнову, который тоже был арестован и потом сослан в Архангельск, местная исследовательница Лариса Ивановна Сизинцева поступила так. Публикуя его дело, связанное с арестами, она не указывала настоящие фамилии лиц, давав-

ших показания против Смирнова, а давала их с прочерком. По-видимому, ей сказали, что не надо называть имена людей, которые причастны к его аресту, что она и выполнила в своих публикациях. Так что открытость материалов не должна быть абсолютом. Должна еще быть этика пользования этими материалами. А такой максимализм, что страна должна знать своих антигероев, не всегда оправдан.

АП: Если говорить об общей доступности устных архивов, то вопросы полевой этики тоже должны как-то решаться. Как быть, если это аудиоархив?

ТИ: В принципе мы все-таки не слишком часто сталкиваемся с ситуациями, когда какая-то часть информации должна быть по этическим причинам закрыта для посторонних. Но повторяю, это ответственность собирателя и хранителя архива. Если вы считаете, что этот материал и через пять лет не должен быть доступен, — вы принимаете такое решение и его закрываете. И дело не выдаете, и не вывешиваете соответственно информацию.

АП: Просто я подумала про частушки, которые, как правило, в локальной традиции направлены на высмеивание конкретных людей. Можно, конечно, закрыть все топонимические указания на село или деревню. Иначе частушки будут недоступны и очень долго. Это чья-то родная бабушка, про которую гадости поют. Как с ними быть?

ТИ: Не публиковать, если вы несете ответственность перед человеком, который вам спел эту частушку. Другого пути нет. Это решается не законом, не инструкцией, не какими-то написанными правилами. Это решается личной этикой собирателя — и только.

ИН: Меня интересует, как систематизированы материалы в Рукописном отделе и в Фонограммархиве Пушкинского Дома.

ТИ: Про Рукописный отдел я вам отвечу, про Фонограммархив лучше знает Юрий Иванович Марченко. В Рукописном отделе есть очень разные типы самих фольклорных коллекций. Это может быть экспедиционная коллекция: первые такие коллекции не наши, а Государственного института истории искусств, который в 1926—1929 гг. отправлял экспедиции в Заонежье, на Пинегу, Мезень и Печору. Тогда, во-первых, была архивная установка хранить все в перепечатанном виде. Т.е. у нас в настоящее время в основном полевые записи этих экспедиций отсутствуют. Совершенно случайно сохранились рукописные тетрадки Анны Михайловны Астаховой, которые буквально до начала 1980-х гг. были даже не оприходованы как единица хранения. Они просто лежали после смерти Анны Михайловны,

которая скончалась в 1971 г., были сданы в архив, но, что называется, на архивном языке «не обработаны». С моей точки зрения, архивная установка 1930-х гг., что перепечатанные материалы главнее, чем рукописные, неправильная. По-видимому, в то время была цель сделать эти материалы доступными, читаемыми. Поэтому, ориентируясь на читателей, делали эту машинописную копию.

ИН: Это переработанный материал, т.е. что-то не было включено в копии?

ТИ: Боюсь, это уже не узнать. Вот тетрадки Астаховой остались, здесь можно судить. Там практически все перепечатано, а о материалах других собирателей я не знаю. Материал этих и дальнейших экспедиций в архиве располагался по деревням и по жанрам. Так как Астахова занималась былинами, то, соответственно, большая часть ее материалов — былиноведческие. Но многие собиратели, насколько я понимаю, не сдали тогда материалы. Как я уже сказала, главный принцип фольклорного архива Пушкинского Дома — по экспедициям. Но к нам же еще попадали материалы извне. Было много людей, собирателей-любителей, фольклористов-любителей, которые сдавали свои материалы в Пушкинский Дом. В этом случае коллекция идет по имени собирателя, ее не распотрошат по жанрам, все остается за его именем — так, как он нам сдал. Естественно, материал проходит обработку, нумеруется и так далее.

С Фонограммархивом существуют такие сложности. Самые старые фонозаписи, которые мы имеем, — это материалы не Пушкинского Дома, они записывались на фонографе еще до-революционными экспедиционерами, политическими ссыльными в Сибири. В свое время, в самом начале 1930-х гг., когда была фольклорная секция Института по изучению народов СССР — был такой ИПИН, он буквально года три просуществовал — усилиями Евгения Владимировича Гиппиуса все, что можно, было соединено в один архив. Соответственно, там есть записи сибирских народов, среднеазиатских и так далее. Но очень часто мы не знаем, что там находится. В 1970-е гг., когда это все переводилось на магнитную ленту, привлекали носителей языка, чтобы хотя бы разобраться, на каком языке сделана запись. Что можно, было прослушано, что можно — как-то атрибутировано, но в принципе это очень сложная проблема. Записи более позднего времени в Фонограммархиве систематизированы по экспедициям, это главный принцип.

ИН: А если меня, допустим, интересуют рассказы о колдовстве, я должна буду просмотреть все экспедиционные материалы?

ТИ: Рассказы о колдовстве на материалах 1960–1970-х гг. вы не услышите. Потому что магнитофон в экспедиции таскать тяжело. Сначала магнитофон был огромный, а магнитные ленты на бобинах. Но даже когда появился небольшой кассетный магнитофон, все равно брали ограниченное количество кассет. И записывали прежде всего песенный материал. А то, что мы называем этнографическим материалом — это фиксировалось «от руки» в полевых тетрадах. Это, пожалуйста, будьте добры в Рукописный отдел.

ИН: Но я должна буду просмотреть материалы всех экспедиций? Там нет тематического поиска?

ТИ: В настоящее время у нас такого нет. Вы должны посмотреть, что есть, по описи. Например, вас интересует такой-то регион — Русский Север, Архангельская или Вологодская губерния. Первый вопрос: «Есть ли у вас материал по Архангельской, Вологодской и прочим губерниям». А дальше уже ищите сами.

ИН: Много ли неописанных материалов хранится в Рукописном отделе?

ТИ: Фольклорных материалов, по-моему, не так уж и много на самом деле. Дело в том, что Пушкинский Дом прекратил по-настоящему ездить в экспедиции где-то с конца 1980-х гг., наверное. Соответственно, с этого времени материалы перестали поступать в Рукописный отдел. Сейчас экспедиционная деятельность возобновилась усилиями наших молоденьких девочек Наташи Комелиной, Насти Васкул. Но, по правде сказать, я даже не знаю, как они поступают со своими материалами. Признаюсь, вы меня поставили в тупик. Требуется ли, чтобы они сдали экспедиционные материалы? Я думаю, что они пока еще у них на руках. Конечно, они ездят уже с диктофоном.

Сейчас еще у нас возникли внутренние заморочки, внутренние бодания из-за того, что Фонограммархив Пушкинского Дома пытается создать внутри себя рукописную часть. С одной стороны, Фонограммархив сделал одну очень хорошую вещь, за что огромное им спасибо. Когда в Москве уничтожался архив Союза композиторов, где была фольклорная секция с магнитофонными и рукописными материалами, Фонограммархив все это забрал себе, т.е. сохранил. То, что он сделал, — это замечательно. Но затем он решил все это хранить у себя, вместо того чтобы сдать в пятый, фольклорный, разряд Рукописного отдела. Это не очень разумно, потому что, попав в Рукописный отдел, материал сразу же получит тот номер и единицу хранения, которые будут уже на века. И если он там пропадет, то это повлечет некоторые последствия. А если в Фонограммархиве

с этими рукописными материалами что-то случится, то ответственности не будет в принципе, потому что эти единицы не находятся на государственном хранении. Конечно, Фонограммархив тоже отвечает за аудиоматериалы. Я же сейчас говорю о рукописной части фонда, которую они поместили к себе и не хотят отдавать. Они спасли эти материалы и, с этой точки зрения, конечно, имеют моральное право их хранить. Но нужно, чтобы они получили необходимый государственный номер, тогда все будет в порядке.

ИН: Нет ли задачи оцифровать архив?

ТИ: Конечно, есть. Я бы не сказала, что работа идет, но есть планы весь Рукописный отдел, не только фольклорный, а во всем его объеме оцифровать. Дальше можно ставить вопрос, насколько его открывать в Интернете.

ИН: А как вы считаете, можно эти оцифрованные материалы повесить на сайте?

ТИ: Думаю, что многое, конечно, можно. Мы к этому неизбежно идем. Как бы ни было консервативно сознание архивистов и мое прежде всего, мы, конечно, идем к тому, что материалы будут открываться. Тем более те, которые уже введены в научный оборот. Будет ограничиваться доступ, если поступило нечто новое и кто-то из сотрудников Пушкинского Дома этой темой занимается. По сути дела, это единственный параметр, по которому можно закрыть материалы, с моей точки зрения.

ИН: Существуют ли приоритеты, что цифровать в первую очередь, какие коллекции имеют большую ценность?

ТИ: Здесь трудно отвечать, потому что я не знаю этих планов. В Фонограммархиве от тех исторических экспедиций есть только песенный материал. Другого не писали, потому что технические средства были очень ограниченные и пленку жалели. То, что мы сейчас называем этнографическим репортажем, стали на магнитную ленту писать достаточно поздно. В Фонограммархиве хранятся и бобины, и магнитофонные кассеты. Их цифруют, это задача наших инженеров.

АП: Мы говорили об архивах и исследователях. В последнее время наблюдается подъем интереса к национальной культуре. Соответственно, желание обратиться к материалам архива может возникнуть у журналистов, национальных активистов, просто обывателей, которые чем-то интересуются, хотят «восстановить свои национальную культуру» или что-то другое. Как быть с ними?

ТИ: Общие архивные правила: архивы доступны всем, кто этим интересуется. И здесь мы не должны из этого правила выпа-

дать. Если к вам приходит журналист, его, конечно, желательно просветить, потому что журналисты у нас не очень просвещенные. Но даже если к вам приходит человек, о котором вам заранее известно, что там какие-то националистические установки есть, — общие правила: все доступно. С позиции государственного архива, кто бы ни пришел, если он пришел с отношением о том, что он занимается такой-то проблемой, — пожалуйста. Без бумаги вас все равно в архиве не примут. Получить ее можно от любой точки, хоть от школы. Институтция эта нужна, потому что любой архив должен вести учет своих читателей. Это очередной контрольный материал, который служит для того, чтобы материалы не разворачивались.

АП: Ну и заключительный вопрос. Как вам видится будущее и перспективы существования аудиоархивов, фольклорных архивов?

ТИ: Если этот вопрос понимать в ракурсе — оптимистически или пессимистически, то особого оптимизма я бы не стала проявлять. С появлением новых технических средств очень много кто хочет куда-то поехать и что-то записать. Но ответственности за то, что записано, не несет. Это сейчас самая главная болевая точка. Чтобы эту проблему хоть как-то решить, нужен сайт, где бы были паспорта «полугосударственных» и личных архивов. Такой сайт нужен для обмена каким-то опытом и информацией. Кто возьмет на себя создание этого сайта? Пушкинский Дом абсолютно точно не возьмет на себя эту функцию из-за своего консерватизма, из-за своей неповоротливости. Это должен делать кто-то из молодых и из тех, кто наделен некоторой харизмой, некоторым желанием, энтузиазмом и т.д. Это выход, некая перспектива на будущее. Но все равно, если спросить, будут ли погибать полуофициальные архивы, ответ — будут. Как они погибали, так и будут погибать. В нынешней ситуации. Тем более, когда культура и ее ценности не слишком важны в нашей стране, с точки зрения государственной политики.